



оригинальная статья

Инвективная лексика в зарубежном кинодискурсе последней декады

Панкратова Светлана Анатольевна

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Россия, Санкт-Петербург

<https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>

svetpankrat@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.07.2022. Принята после рецензирования 01.11.2022. Принята в печать 28.11.2022.

Аннотация: Рассматривается актуальная проблема инвективности, являющейся неоднозначной и в то же самое время неотъемлемой особенностью современного кинематографа. Цель – исследовать особенности инвективной лексики в зарубежном кинодискурсе. Применен комплексный лингвистический подход. Ставятся задачи проанализировать: для чего применяются инвективы в кино, кому они адресованы, сколько инвектив умещается в одну фразу, как эмоционально окрашены инвективы, как они вписываются в идиоматический состав языка, какую шоковую силу несут, на какие сакральные ценности посягают, кто больше склонен к брани (мужчины или женщины), буквально или переносно воспринимаются инвективы и какими способами избежать инвективности. Научная новизна исследования табуированности обусловлена важностью отслеживания и соблюдения баланса двумя противоречивыми тенденциями: нарастанием употребления бранной лексики в информационных потоках и ростом количества протестных выступлений, направленных в защиту чистоты языка. Выдвинутая автором гипотеза предполагает, что выбор инвектив обусловлен индивидуальностью создателя фильма, его чувством юмора, стремлением дать максимально наглядный речевой портрет киногероя. Метод сплошной выборки из современных киносценариев предоставляет обширный экзemplификативный материал, который затем подвергается исследованию посредством когнитивно-семантического, стилистического, прагматического и количественного анализа. Теоретическая значимость заключается в осмыслении и регламентации живой интеракции культур. Материал исследования демонстрирует, что современная западная киноиндустрия активно задействует инвективность. На примерах подтверждается тезис о том, что в основе привлечения инвектив лежат стремление к яркости, броскости высказывания, обозначение субгрупповой принадлежности, намерение побудить к немедленному эффективному взаимодействию и демонстрация доминирующей социальной позиции. Сделан вывод, что, хотя в культурном человеческом обществе инвективная лексика относится к порицаемым знакам вербальной агрессии, а негативные коннотации инвективности могут быть элиминированы в эвфемизмах, этого не происходит в зарубежном кино и речь персонажей демонстрирует и фасилитирует деградацию культурного фона кинопроизведения.

Ключевые слова: табу, инвективная лексика, зарубежный кинодискурс, речь киноперсонажей, эвфемизм

Цитирование: Панкратова С. А. Инвективная лексика в зарубежном кинодискурсе последней декады. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 1. С. 66–74. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-1-66-74>

full article

Invective Lexicon in the Foreign Film Discourse of the Last Decade

Svetlana A. Pankratova

St. Petersburg State Institute of Film and Television, Russia, St. Petersburg

<https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>

svetpankrat@yandex.ru

Received 31 Jul 2022. Accepted after peer review 1 Nov 2022. Accepted for publication 28 Nov 2022.

Abstract: Invectivity is an ambiguous but integral feature of modern cinema. The author used a complex linguistic approach to describe the obscene vocabulary of foreign movie discourse. The article attempts to answer the following questions: Why do films need invectives? Who they are addressed to? How many invectives fit in one movie line? How emotionally colored are invectives? How do they fit into the idiomatic composition of the language? What kind of shock power do they carry? What sacred values do they attack? Who swear more, male or female characters? Are invectives perceived literally or figuratively? How can they be avoided? The scientific novelty of the taboo studies is in tracking and maintaining the balance between two conflicting trends: the oversaturation of mass media with obscenities vs.

the current purist movement. The theoretical significance lies in the comprehension of the ongoing cultural interaction. The author believes that the choice of invectives depends on the filmmaker, their sense of humor, and the style of character imagery. The method of continuous sampling from modern film scripts provided extensive exemplary material, which was subjected to cognitive-semantic, stylistic, pragmatic, and quantitative analyses. Western cinema often uses invectivity to make a line catchy. In addition, obscene vocabulary designates subgroup affiliation, encourages immediate interaction, and demonstrates a dominant social position. In a cultural society, invective vocabulary refers to criticized signs of verbal aggression, and the negative connotations of invectiveness can be eliminated in euphemisms. However, foreign cinema demonstrates and facilitates the degradation of the cultural background.

Keywords: taboo, invective lexis, foreign movie discourse, movie character lines, euphemism

Citation: Pankratova S. A. Invective Lexicon in the Foreign Film Discourse of the Last Decade. *SibScript*, 2023, 25(1): 66–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-1-66-74>

Введение

Проблема систематизации, лексикографического описания и выделения четких критериев маркировки лексических единиц как инвективных является весьма актуальной в наши дни. Для этого прежде всего необходимо обратиться к рассмотрению исторических корней возникновения инвективности. Развитие общественных отношений и языка подразумевает культурный скачок от ритуализированной обценной лексики к эвфемии как дозволенному способу именованию табу. Ранние работы, посвященные табуированности, принадлежат философам и этнографам (Д. К. Зеленин, А. Мейе, Дж. Фрэнгер), в отечественной лингвистике проблему табуированности изучали ряд лингвистов: С. Г. Воркачев, В. И. Жельвис, В. И. Карасик, Г. В. Кусков, М. М. Маковский, Ю. С. Степанов.

Работы А. Мейе, исследовавшего языковое табу у древних людей, привлекли внимание ученых к этому явлению уже в первой половине XX в. [Мейе 2009]. В психоаналитике широко известны исследования табу и подсознательного З. Фрейда [Фрейд 2004]. В условиях первобытного выживания наибольшей ценностью является жизнь и, как отмечает А. М. Кацев, «для первобытного сознания смерть и болезни были окутаны зловещей тайной и ассоциировались с действием сверхъестественных сил. Разумеется, что все, что имело отношение к этим понятиям, начиная с имен покойных и кончая их захоронением, вовлекалось в сферу языкового табу» [Кацев 1988: 12]. М. М. Маковский подробно исследовал и описал воздействие механизмов табуирования на язык славянских народов [Маковский 2019]. Как установили ученые-этнографы, некоторые ритуализованные формы оказываются табуированными в высокоразвитой человеческой культуре. Именно к подобным знакам особого рода, единицам с элементами вербальной агрессии относятся табуированные изречения [Зеленин 1991]. Поскольку в коллективе не все единицы одинаково допустимы к вербализации, семантика вербальной агрессии закономерно фиксируется табуированной лексикой. Табуированные вербальные действия человека, вышедшего из-под контроля культурной нормы,

обычно характеризуются такими общими терминами, как *ругань*, *брань*, *оскорбление* и т. п. В работе нидерландского историка культуры И. Хейзинги «Homo Ludens» (Человек играющий) первостепенная роль в становлении культуры отводится элементу состязательности, особому «агональному инстинкту, ткущему на грубом полотне конфликта биологических потребностей тонкие узоры высокоритуализованных форм поведения. Отмечается повсеместное распространение состязаний в хуле и похвальбе, являющееся ритуализованной прелюдией к настоящему сражению» [Хейзинга 1992: 81]. Автор показывает, как эта символическая форма, замещающая физическую агрессию вербальной, отделяется от своего исходного контекста и получает самостоятельное существование в различных сферах человеческой деятельности.

Непосредственно жизненный опыт показывает, что бранные слова спонтанно рождаются в условиях, когда возникает потребность в наступательно-оборонительных реакциях. Важно отметить, что как у животных, так и у человека в состоянии аффекта наблюдается резкое снижение мыслительных способностей. Поэтому клятва или боевой клич, рождаясь и функционируя в ситуациях порой предельного аффективного накала, плохо увязываются с идеей связи языка и мышления. Очевидно, что для снятия помех мышлению, создаваемых аффективной знаковой, эмоция должна быть в достаточной мере подавлена, но без ущерба самой знаковой. Итак, в семиотике процесс символизации агрессивного поведения характеризуется как «жест вместо акта» [Степанов 1998: 135]. Даже при поверхностном взгляде становится очевидным, что в человеческой культуре наиболее несублимированный вариант этой древнейшей функции ритуала закрепился за обценной, или матерной, лексикой, а также за некоторыми сопутствующими ей жестами и позами. Базовая денотация этих вербальных и невербальных знаков говорит об определенных особенностях способов построения социальной иерархии [Демьянков 1983; Карасик 2004]. Иерархичность является той системой, где и оказывается возможным языковое

бытие инвектив, в понимании которых мы солидарны с В. И. Жельвис: инвективы есть «все разновидности выражения человеческой неприязни и агрессии, ... не только как "выпад против к-л", но и как употребление любого слова, которое может восприниматься в бранном смысле и может быть направлено как на другого человека, так и на самого говорящего» [Жельвис 2008: 113].

Исходная функция отрицательной коммуникации сохраняется в табуированной лексике в довольно неприкрытом виде и реализуется в ситуациях, в которых сохранение взаимопонимания не является приоритетом. В подобном случае имеется в виду коммуникативный сбой (Е. В. Падучева), коммуникативный провал (Т. В. Шмелева), коммуникативная неудача (Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова, Е. А. Земская, О. П. Ермакова). Дисфемизмы бытуют в ситуации дисгармоничного общения, особенно характерного для жанра триллера. В конфликтной атмосфере при воздействии фактора временного цейтнота особое значение приобретают речевые ситуации, в которых заложены «элементы психологического напряжения» [Седов 1996: 32], препятствующие возникновению взаимопонимания, вызывающие негативные психоэмоциональные и физиологические состояния партнеров по общению.

Современность ставит актуальными проблемы чистоты языка и уровня культуры населения. Многочисленные свежие публикации по теме табу, инвективности и бранной лексики отмечают, что ситуация с употреблением табуированной лексики в современном медиапространстве вышла из-под контроля, превратившись в «засилье матерных слов». Это объясняется ростом социальных сетей и неподотвественных цензурованию блогов, сайтов, программ [Ярославова и др. 2022; Терентьева 2015]. Другой вытекающей из вышеупомянутого обстоятельства причиной распространения эвфемизмов-табуизмов О. Д. Пастухова считает тот факт, что «если раньше они произносились сознательно, то сейчас большая их часть используется носителем языка на бессознательном уровне» [Пастухова 2017: 141–142]. Образованная часть публикующихся авторов призывает к тому, чтобы общественное пространство СМИ не содержало сниженной и словесной агрессии в целях повышения планки объективности сообщений [Малюгина 2018; Николина, Петрова 2020; Романов, Романова 2019]. Однако, допущение инвективности в массовый обиход возможно, по мнению Е. Г. Анциферовой, отмечающей, что современный человек находится в нескончаемом информационном потоке, оказывающем сильнейшее ежедневное воздействие на его сознание и психологическое состояние. На взгляд автора, «дозированная инвектива в публицистическом и художественном тексте в ряде случаев может быть оправдана» такими соображениями, как характеристика героя, создание многогранного самобытного образа и в качестве обличительного приема [Анциферова 2021].

К сожалению, как отмечает исследователь бранной лексики А. В. Курьянович, «абсолютная "свобода слова", наблюдающаяся в современном обществе, обусловила появление ситуации потенциальной разрешенности инвективы и ее массового употребления в практике межличностной коммуникации» [Курьянович 2005: 106]. Рост встречаемости инвективной лексики в СМИ объясняется «разнузданностью журналистов» и «низкой культурой речи автора высказывания, когда он не ощущает разницы между разговорным и нейтральным словом и использует его, не осознавая» [Атавова 2016: 79]. Желательным и возможным решением проблемы может стать осознанный уход от буквализма к эвфемистическим замещениям, а также таким тонким видам интеракции, как намеки, колкости, сарказм. Действительно, с развитием культуры и общественных отношений в языке начинает формироваться пласт эвфемизмов – дозволенные наименования, скрывающие свой предмет из суеверного страха, чувства стыда, такта или принятых в обществе норм вежливости. К примеру, эстетические и нравственные законы современного общества не позволяют говорить прямо о некоторых физиологических актах, об отношениях между полами, называть прямо определенные части тела человека, физические или психические недостатки, заболевания. В инвективной лексике, напротив, явно вскрыты все негативные коннотации, которые тщательно вуалируются в эвфемизмах, как это будет продемонстрировано далее.

Этические проблемы обсуждения инвективности в печати

Благодаря своей шоковой силе инвективность способна создавать правдоподобные речевые образы киногероев и траекторию их поведения т. к. инвективность служит инструментом, способствующим скорейшему, успешному, эффективному и оптимальному, но дисгармоничному общению [Седов 1996]. Немаловажную роль в применении инвективности играют «индивидуальные особенности личности коммуникантов и характер их взаимоотношений, специфика сферы общения, характер ситуации, цели и задачи» [Курьянович 2005: 106]. Но этические вопросы обсуждения инвектив в печати требуют особых оговорок. Как очевидно, большая доля единиц, раскрывающих половую тему и тему физиологии, делает сами рассуждения о лингвистической природе табу несколько фривольными. Таково устройство языка, что любой говорящий на эти темы (удобно, но незаслуженно именуемые «низкими») рискует прослыть разнузданным языковым хулиганом. Однако, как и в медицинской практике, согласимся, что нет ничего грязного и отталкивающего в существовании половой и физиологической темы *per se*. Неприличность заключена в оскорбительных намерениях говорящих, открыто связывающих ту или иную единицу

с нанесением ущерба лицу адресата. Наша задача состоит в том, чтобы выявить условия функционирования инвективности в кино, а для соблюдения приличий мы прибегнем к удобным эвфемичным сокращениям типа *f****g*, которые не оскорбят пуристов, но и не скроют природу изучаемого табуированного слова.

Методы и материалы

В ходе анализа практического материала автором исследования был собран корпус из 330 текстовых фрагментов из 19 киносценариев, в том числе задействованы такие знаменитые фильмы криминальной направленности, как «Джокер» (Joker) (2019) сценариста Тодда Филлипса, «Криминальное чтиво» (Pulp Fiction) (1994) и «Бешеные псы» (Reservoir Dogs) (1991) сценариста и режиссера Квентина Тарантино и др. Как было установлено, табуированная лексика в современном зарубежном кино насчитывает более 60 единиц и подразделяется семантически на наименования, связанные с: 1) половой тематикой: *ass, balls* и т. д.; 2) социальным статусом: *bastard, bitch* и т. д.; 3) естественными человеческими выделениями: *bloody, crap* и т. д.; 4) горячительными напитками и злоупотреблением ими: *booze*; 5) умственными способностями: *degenerate, dumb* и т. д.; 6) богохульствами и проклятиями: *goddamn*; 7) национальностями и расовыми особенностями: *gook, greaseball* и т. д.¹ Для изучения функционирования бранной лексики мы ответим на вопросы: для чего применяется брань в кино, кому она адресована, количество бранных слов в одной фразе, как эмоционально окрашена брань, как она вписывается в идиоматический состав языка, какую шоковую силу несет, на какие сакральные моменты посягает, приоритеты инвективности у мужчин и женщин, буквально или переносно воспринимается брань и какими способами ее избежать. Нами проведен детальный анализ функционирования инвективной лексики в зарубежном кинодискурсе, основанный на комплексном семантико-дискурсивном и прагматическом анализе.

Смысловая вариативность инвектив

1. Декларативность, интеррогативность и императивность инвектив

Как было установлено, благодаря привлечению инвективности в жанре *триллер* и *драма* многократно возрастает убедительный эффект высказывания. Из многочисленных

форм проявления конфронтационной стратегии (агрессия, насилие, дискредитация, подчинение, принуждение, разоблачение, манипуляция и пр.) особую роль играют коммуникативные ситуации «угрозы, запугивания, упрека, обвинения, обиды, издевки, насмешки, колкости, иронии, провокации, словесного "наезда", навешивания ярлыков, нападки, разоблачения, стеба, претензии, оскорбления (инвективы)» [Курьянович 2005: 108]. Мы рассмотрим три типа исходя из цели сообщения: декларативы (сообщение), интеррогативы (запрос) и императивы (приказ). Среди декларативов особенно выделяются высказывания об истинности намерений героя «Я говорю правду», которые в сопровождении табуированной единицы звучат более убедительно: *I'm telling you the f****g truth!*

- *PETE: Don't look at me that way. I'm telling you the f****g truth! I'm totally f****g straight, man!*²

В императивах табуированная лексика усиливает повелевающую силу высказывания, не допуская возражений и неповиновения, к примеру, фраза *Get that through your f****g thick head* (Вбей себе это в дурацкую голову!) звучит грубее и мощнее с табуированной единицей. *LIAM: Well, I love your ma and she loves me. Get that through your f****g thick head!*³ Итак, табуированная лексика выполняет роль эмоционального усиления-триггера, гипертрофированно преувеличивая масштаб события, которое требует незамедлительного и эффективного разрешения. Инвективные единицы многократно усиливают убедительную силу, изображая гипотетическую ситуацию членовредительства в направлении адресата, что имеет для последнего наибольшую персуазивность.

2. Экстрареференция и интрареференция инвектив

Референция есть соотнесенность имен, входящих в состав высказывания, с объектами внеязыковой действительности. Экстрареферентная инвектива направлена вовне, на всевозможные качества оппонента: на национальность адресата (*дурацкий американец, мексикашка – American s*****!*), внешность, пол, упитанность адресата. Примеры избивают подобными инвективами: *SAUREL: I understand perfectly, you American...*⁴ Однако имеются единичные примеры интрареференции (инвектива, направленная на самого говорящего): *I was an a*****e* (Я был негодай), например, по причине психологических барьеров извинения:

¹ Ayto J. The oxford dictionary of modern slang. Oxford: University Press, 1996. 300 p.; Crystal D. The penguin dictionary of language. London: Penguin Books, 1999. 238 p.; Green J. The slang thesaurus. London: Penguin books, 1999. 430 p.

² Alpha Dog. 2005. P. 20. URL: https://www.scripts.com/script/alpha_dog_2596 (accessed 27 Jul 2022).

³ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁴ Sweet Sixteen. 2002. P. 46. URL: https://www.scripts.com/script/sweet_sixteen_19228 (accessed 27 Jul 2022).

⁵ The Wolf of Wall Street. 2013. P. 86. URL: https://www.scripts.com/script/the_wolf_of_wall_street_44 (accessed 27 Jul 2022).

- *FREDDY: I was an a****e and left, but he would never just vanish like this*⁶.

Особенно референтно ярка самопохвала с бранной лексикой как в примере *I'm a great f****n' friend* (Я потрясающий чертов друг), где ругательство приобретает противоположный негативному эмоциональный окрас:

- *VINCENT: Sure I am. Yeah, I'm a great friend. I'm a great f****n' friend*⁷.

Представляется, что бранная речь есть мощный неконтролируемый эмоциональный поток изречений, в котором говорящим теряется локус контроля, а инвективный референциальный перенос характеризует ситуацию бранной речи как крайне контагиозную, ту, в которой эмоции захлестывают через край. Это тот самый случай, когда в кинодраме неоспоримо высок градус эмоционального накала и крепкое словцо может достаться всем.

3. Сингулярность и мультикомплементарность инвектив

Единичные инвективы наиболее часты в речи киногероев, причем в них может иметь место тавтология, что несколько не смущает говорящего, цель которого – выплеснуть эмоции в бранной тираде *you f****g m*****s* (вы чертовы ублюдки):

- *JOE: I will f****g talk! I will tell you whatever the f**k you want to hear... you f****g m*****s!*⁸

В восьмиместном инвективном изречении повторяется центральная для бранных речевых единица «на f» как сигнал широкого словарного запаса и образованности:

- *JOE: I got to f****g do something about this. I can't have the kid f****g talking to the cops. The f****g gun is on the street. This whole f****g goddamn thing is about to f****g blow up. If f****g Tommy or any of those f****g guys... find out about it. You got to f****g help me. If I f****g have to*⁹ (Надо к черту что-то делать. Чертов парень не должен говорить с копами. Чертова пушка на улице. Все чертовщина вот-вот к черту взорвется. Если Томми и его чертовы парни... Ты к черту должен помочь).

В итоге создается образ киноперсонажа, для которого брань состоит из привычных слов-паразитов, а их частотность ведет к делексикализации, что само по себе уже есть малообнадеживающая заявка на вхождение в общеупотребительный словарный фонд.

4. Амелиоративность и пейоративность инвектив

В исследовании табуированной лексики нами изучены коннотативные аспекты инвективности. Как справедливо полагает К. Э. Вяльяк, «экспрессивный компонент присутствует фактически в любом высказывании и непосредственно связан с активным субъектом высказывания. Все равноуровневые средства создания экспрессии находятся в системной, закономерной взаимосвязи, а их использование отражает систему оценок, предпочтений, желаний языковой личности» [Вяльяк 2008: 51]. Бранная лексика встречается и в позитивном контексте: *I f****g love you* (я чертовски люблю тебя):

- *TAYLOR: I f****g love you, bro. Officer down! I need some f****g help!*¹⁰

Оправданием привлечения сниженного регистра могло бы служить предположение о неполнозначности бранного слова для говорящего.

Что касается уничтожительности бранной лексики, то она работает на создание отрицательного образа киногероя, полностью отвечая цели очернить, унижить, оскорбить собеседника, как в примере *f****g c*****r* (чертов негодяй):

- *ROBERTSON: You disgust me. Get your face off my cock! Get off me, you f****g c*****r!*¹¹

Бранная лексика как в контексте со знаком «плюс», так и в контексте со знаком «минус» ведет к снижению тональности всего высказывания.

5. Идиоматичность инвектив

Фразеологизм – идиома, устойчивое сочетание слов, отличающееся постоянным лексическим составом, грамматическим строением и известным носителям данного языка значением, не выводимым из значения составляющих компонентов. «Вращение» в устойчивый состав фразеологизмов инвективной лексики свидетельствует о тенденции к нормализации последней, о заявке на статус узаконенного языкового выражения: фразеологическая инвектива. К примеру: идиома *мне наплевать* в английском языке (*I don't give a damn* в значении не давать ломаного гроша) переосмысливается гораздо грубее (*don't give a s**t about people like you*):

- *SOCIAL WORKER: They don't give a s**t about people like you, Arthur. You don't have a voice and they don't really care what happens to you or to us for that matter!*¹².

⁶ Residue. 2017. P. 23. URL: https://www.scripts.com/script/residue_16816 (accessed 27 Jul 2022).

⁷ Summer of Sam. 1999. P. 63. URL: https://www.scripts.com/script/summer_of_sam_19094 (accessed 27 Jul 2022).

⁸ Running Scared. 2006. P. 52. URL: https://www.scripts.com/script/running_scared_17259 (accessed 27 Jul 2022).

⁹ Ibid. P. 14.

¹⁰ End of Watch. 2012. P. 62. URL: https://www.scripts.com/script/end_of_watch_7651 (accessed 27 Jul 2022).

¹¹ Filth. 2013. P. 25. URL: https://www.scripts.com/script/filth_8166 (accessed 27 Jul 2022).

¹² Joker. 2019. P. 36. URL: https://www.scripts.com/script/joker_24303 (accessed 27 Jul 2022).

В результате происходит легитимизация, оправдание и закрепление брани в языке кино. Более того, новым видом семантического сращения мы бы назвали взаимодействие фразеологизма и инвективы в голофразисе, уникальном английском явлении языка, еще известном как «словотекст», в котором мысль, сжатая до одного дефисно-раздельнооформленного слова, сжато передает некую мысль или посыл. Самый простой пример *I am overwhelmed* (Я потрясен) трансформируется за счет включения инвективы в структуру основы слова, приблизительно звучащей как *over-f****g-whelmed* (Я по-чертовски-трясен).

- ALBERT: *That's right. Well, I am... over-f****g-whelmed*¹³.

Суммируя, отметим, что совмещение разных речевых модусов (общепринятого и низкого) приводит к потере логической обоснованности речи и кино и размыванию границ допустимого в обычной речи.

6. Экспрессивный потенциал инвектив

Шокирующий потенциал инвектив может быть максимальным, нейтральным или минимальным. К примеру, акцентирующие прилагательные на *-bl*: *blinking* (чертовский), *blithering* (жалкий), *blooming* (проклятый), *blundering* (нелепый) и др. – являются способом нанести оскорбление в смягченной форме, их шоковая сила незначительна. Выражение *jump in the b****y basket* (запрыгивай в чертову корзину) не несет максимальной шоковой силы благодаря смягченному прилагательному *чертов*.

- AL: *Jump in the basket. Who the hell do you think I am? E.T.? Willie, jump in the b****y basket. I'm not getting in no b****y basket*¹⁴.

Медальна шоковая сила инвектив, нацеленных нанести существенный ущерб авторитету и самоуважению собеседника, реализуется за счет приема редупликации: *it's f****g f****d* (это чертовски стремно):

- TERRY: *You hear about Fatty's leg? It's f****g f****d. Swinging off ladders at his age*¹⁵.

Удвоение одного и того же бранного слова «на f» говорит о нацеленности говорящего нанести как можно больший оскорбительный ущерб, что в гуманном обществе выглядит как нонсенс и деградация идеалов просвещения. Что касается максимальной шоковой силы, то здесь всевозможные способы оскорбления сконцентрированы в едином высказывании для достижения максимального эффекта, что сопровождается слабой когерентностью и связностью. Оскорбления раздаются щедро и без разбора, без учета половой принадлежности, просто перечисляются все

возможные половые характеристики обоих полов вида *Homo Sapiens* (*F**k this, s**t that. C**k, c**t, a****e*). Подобная неразборчивость говорит о тотальной испорченности говорящего, равно как и о сильной степени эмоционального накала:

- MARK HANNA: *F**k this, s**t that. C**k, c**t, a****e. I couldn't believe how these guys talked to each other*¹⁶.

Итак, в высказываниях максимальной шоковой силы наблюдается противоречие между лингвистической и логической когерентностью и сильный эмоциональный накал.

7. Секулярность и сакральность инвектив

Десакрализация связана с инвективностью в том плане, что принижение священных для человечества понятий направлено на нанесение такого морального и нравственного ущерба адресату, который по значимости следует за нанесением физического ущерба. Наиболее богохульными являющиеся встреченные в сценариях сочетания инвективы с божественными именами: *f****g God* (проклятый бог):

- JAKE: *Pete. Pete. I swear to f****g God. I need you to take a drug test*¹⁷.

Сочетание сакрального и низкого вредоносно для тех, кто высказывается подобным образом, и для того, кто выслушивает подобную брань. Как ни прискорбно, инвективная лексика проникает на экраны и страницы изданий. Одна из возможных лазеек обозначена Т. В. Пономаренко следующим образом: «Общий принцип можно сформулировать так: любое слово, сколь угодно табуированное или оскорбительное в определенном значении может появиться на страницах издания в том случае, если это цитата – прямая или косвенная, из речи или текста, принадлежит ли она известному человеку или неизвестному "представителю народа"» [Пономаренко 2009: 13]. В связи с этим нельзя не согласиться с судьбоносной ролью кино как особого вида искусства, которое, к прискорбию, не всегда несет людям добро, чистое и светлое.

8. Женское и мужское начало инвектив

В исследовании табуированной лексики нами были выделены фрагменты, где табуированная лексика привлекается феминно или маскулинно, есть небольшое число реплик-инвектив от женского лица, «вклад» женщин в инвективности немногочисленен. Из всего набора кинофильмов с повышенной инвективностью, а их 19, нами было обнаружено 19 реплик от женского имени, т. е. статистически женские киногерои позволяют

¹³ Heat. 1995. P. 16. URL: https://www.scripts.com/script/heat_9763 (accessed 27 Jul 2022).

¹⁴ Going in Style. 2015. P. 17. URL: https://www.scripts.com/script/going_in_style_9114 (accessed 27 Jul 2022).

¹⁵ Twin Town. 1997. P. 16. URL: https://www.scripts.com/script/twin_town_22399 (accessed 27 Jul 2022).

¹⁶ The Wolf of Wall Street. 2013. P. 8.

¹⁷ Alpha Dog. 2005. P. 21.

себе бранную лексику один раз за кинофильм. Скорее всего, можно предположить, что женщинами руководят иные мотивы, чем борьба и доминирование. Инвективы в женских устах содержат обидные высказывания об умственных способностях адресата (*dumb-a*s* – тупица), богохульные ругательства (*goddamn b****d* – проклятое отродье), ругань касательно низкого качества получаемой информации (*b*****t* – ерунда):

- LINDA: *You goddamn b****d! You goddamn b****d. You're gonna pay for this. I'm going to bring you back to visibility and then I'm going throw your a*s in jail*¹⁸.

В одном примере женский персонаж прибегает к эвфемизации ругательного слова, сократив его до деликатного слова «на f»:

- MIA: *Well don't by shy Vincent, what exactly did they say? Let me help you Bashful, did it involve the F-word?*¹⁹

Можно сказать, что из всех прагматических факторов речевая деятельность женщин наиболее кодифицирована с точки зрения социально-культурного, индивидуально-психологического, ролевого и коммуникативно-функционального аспектов. Здесь мы солидарны с Т. М. Беловой, утверждающей, что саму структуру гендерной языковой метафоры, объективирующей культурный концепт *маскулинность*, образуют признаки: «активная жизненная позиция, жестокость, безжалостность, замкнутость, непостоянство политических убеждений» [Белова 2007: 7]. Негативный семантический «вклад» женщин в инвентарь инвективности незначителен по сравнению с тем же вкладом сильной половины человечества.

9. Неметафоричность и переносность инвектив

Анализ бранной лексики показал, что ее потенциал имеет четко выраженный точный характер. В табуированной лексике сила неметафоричности такова, что именование определенного органа и связанных с ним известных действий имплицитно подразумевает совершение вышеуказанных действий. В эмоционально накаленной обстановке инвектива служит непосредственным безотлагательным триггером к действию. В примере говорящий сперва ругается, а затем буквально намеревается вступить в половой контакт с оппонентом (*I'll f**k you*):

- LINDA: *F**k you! SEBASTIAN'S VOICE: Or maybe I'll f**k you. One last time for old times sake*²⁰.

Такая непосредственная связь слова и дела во многом объясняет рост преступности, когда сняты все запреты на совершение недопустимого, и в первую очередь, как это ни прискорбно, снимаются языковые запреты.

В противоположность буквализму инвектив существует ряд табуированных единиц, значение которых применимо в обобщительно-переносном смысле, это слова-ругательства *crap* и *shit*. Для каждого из них имеется ряд негативных импликаций, не связанных непосредственно с их первым прямым значением *экскременты*. Так, переносные значения слова *crap* – это и низкопробный товар, и содержимое низкокачественных консервов, а для слова *shit* – это плохие дела, неприятности, унижительное имя, неудача, обличающие улики. Использование языка в общении всегда несет определенный потенциал «естественной» оскорбительности [Жельвис 1988], а подобные единицы за счет своего многократного употребления стирают свой оскорбительный заряд и могут быть названы потенциально инвективными.

- JOKER: *Last time I ended up taking it out on some, people. Bad shit. I thought it would bother me but it really hasn't*²¹.

Семантически инвективы приближаются к эврисемичным словам, действующим по схеме эврисемии, при которой абстрактность повышается, а денотативная ограниченность ослабляется.

Заключение

Системное рассмотрение актуальных особенностей табуированности в зарубежном кино базируется на разностороннем исследовании ненормативной лексики с прагматических, семантико-дискурсивных и когнитивных позиций, включающих такие параметры, как буквализм или образность, однозначность или эврисемичность, интра- или экстраобъектность, идиоматичность, шокирующий потенциал, а также сакральные, гендерные и количественные параметры. Учет данных параметров позволил установить, что более 60 единиц-инвектив тематически описывают такие сферы, как половая, социально-статусная, физиологическая, и ряд других. Прагматически табуированная лексика служит цели незамедлительного ускорения и оптимизации действий киногероев посредством воздействия на них эмоциональных триггеров-инвектив. Усиление импульса к действию создается благодаря привлечению инвектив в угрожающем ключе и представления гипотетической ситуации членовредительства адресата, что имеет для последнего наибольшую персуазивность. При этом речевая деятельность женщин наиболее прагматически и культурно кодифицирована, а их вклад в инвентарь инвективности весьма незначителен и ситуативно обусловлен. В коннотативном аспекте инвективная лексика способствует передаче широкого эмоционального спектра в киносценарии. Градус эмоционального накала благодаря

¹⁸ Hollow Man. 2000. P. 110. URL: https://www.scripts.com/script/hollow_man_305 (accessed 27 Jul 2022).

¹⁹ Pulp Fiction. 1994. P. 41. URL: https://www.scripts.com/script/pulp_fiction_75 (accessed 27 Jul 2022).

²⁰ Hollow Man. 2000. P. 111.

²¹ Joker. 2019. P. 69.

инвективности возрастает, а референция может распространиться как на адресата, так и на самого адресанта со сменой знака с пейоративного на амелиоративный в самопохвале. Изучение шоковой силы инвектив подтверждает тезис о направленности бранной лексики на достижение максимального персуазивного эффекта. При этом чем больше инвективных единиц содержит микроконтекст, а их число варьируется в пределах от единицы до одиннадцати, тем ниже логическая когерентность инвективы. Шоковая сила инвектив усиливается в случае их соположения с сакральной лексикой, ведущей к десакрализации и нанесению максимального морального и нравственного ущерба адресату.

В лингвистическом плане изучение инвектив вскрывает тенденцию к их включению в фразеологический фонд английского языка, а подобное совмещение общепринятого и сниженного языковых модусов ведет к абсурдизации речи и размыванию границ допустимого. Нестандартный прием инвективного голофразиса свидетельствует о непрерывном поиске говорящими творческих способов эмоционального усиления наряду с решением задачи экономии языковых средств. В когнитивно-семантическом плане повсеместность инвектив ведет к утрате ими значения ругательности и превращении в общеупотребительное эврисемичное слово-паразит с полной или частичной делексикализацией. Эффект неполнозначности объясним необразованностью и / или скудным словарным запасом киногероя.

Нацеленность киногероев на нанесение максимального оскорбительного ущерба в обществе XXI в. выглядит как нонсенс и деградация идеалов просвещенного гуманизма. В культурном человеческом обществе инвективная лексика относится к порицаемым знакам вербальной агрессии, а негативные коннотации инвективности могут быть элиминированы в эвфемизмах, помогающих соблюсти этико-эстетические нормы без прямого именованя физиологических актов, отношений между полами и названий некоторых частей тела. Анализ показал, как через речь персонажей деградирует и общий культурный фон кинопроизведения. Поражает та легкость, с которой киногерои жонглируют ругательствами, частота их применения в речи. Это делается столь регулярно и интенсивно, что снимаются все барьеры на недопустимость ругани в повседневности. Таким образом, инвективы в кино служат своего рода анестетиком, обезболивающим против пошлости и непристойности, которым облегчается допуск в речь и жизнь культурных людей, кинозрителей.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Анциферова Е. Г. Использование инвективных выражений в публицистическом и художественном тексте. *Молодой ученый*. 2021. № 6. С. 445–446. [Antsiferova E. G. Invective expressions in the media and fiction. *Molodoi uchenyi*, 2021, (6): 445–446. (In Russ.)] EDN: SQLJHV
- Атавова Р. А. Инвективная лексика как средство выражения языковой агрессии (на материале дагестанских периодических изданий). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 5-3. С. 78–80. [Atavova R. A. Invective vocabulary as means of expression of language aggression (by the material of the Dagestan periodicals). *Philology. Theory & Practice*, 2016, (5-3): 78–80. (In Russ.)] EDN: VSMFWL
- Белова Т. М. Гендерная метафора как отражение культурного концепта «маскулинность» во французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 22 с. [Belova T. M. *Gender metaphor as a reflection of the cultural concept "masculinity" in the French language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2007, 22. (In Russ.)] EDN: NJKQUL
- Вяляк К. Э. Синтаксические средства интенсификации эмфатических структур (на материале испанского языка). *Альманах современной науки и образования*. 2008. № 2-2. С. 51–52. [Vyalyak K. E. Syntactic means of intensification of emphatic structures in the Spanish language. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2008, (2-2): 51–52. (In Russ.)] EDN: PBWQDN
- Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность. *Вопросы языкознания*. 1983. № 6. С. 58–67. [Demyankov V. Z. Understanding as interpretative activity. *Voprosy Jazykoznanija*, 1983, (6): 58–67. (In Russ.)] EDN: SCKDMJ
- Жельвис В. И. «Грубость»: проблемы классификации лексики. *Вопросы психолингвистики*. 2008. № 7. С. 109–113. [Zhelvis V. I. "Rudeness": problems of the lexis classification. *Journal of Psycholinguistics*, 2008, (7): 109–113. (In Russ.)] EDN: LGKLZV
- Жельвис В. И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика. *Этнопсихолингвистика*, отв. ред. Ю. А. Сорокин. М.: Наука, 1988. С. 98–108. [Zhelvis V. I. Invective strategy as a national-specific characteristic. *Ethnopsycholinguistics*, ed. Sorokin Yu. A. Moscow: Nauka, 1988, 98–108. (In Russ.)] EDN: EDEVVA
- Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 507 с. [Zelenin D. K. *East-Slavic ethnography*. Moscow: Nauka, 1991, 507. (In Russ.)]

- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2004, 477. (In Russ.)] EDN: UGQAMP
- Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия. Л.: ЛГПИ, 1988. 80 с. [Katsev A. M. *Language taboos and euphemisms*. Leningrad: LSPi, 1988, 80. (In Russ.)]
- Курьянович А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2005. № 3. С. 106–112. [Kuryanovich A. V. *Investive speech genres in the space of modern interpersonal communication*. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2005, (3): 106–111. (In Russ.)] EDN: JUDCOB
- Маковский М. М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев: сущность, формы, развитие. М.: URSS, 2019. 278 с. [Makovskii M. M. *Phenomena of taboo in traditions and languages of Indo-Europeans: essence, forms, and development*. Moscow: URSS, 2019, 278. (In Russ.)]
- Малюгина А. В. К вопросу об изучении инвективной лексики в английском языке. *Филологический аспект*. 2018. № 4. С. 125–132. [Malyugina A. V. *On the question of the study of the invective vocabulary in the English language*. *Filologicheskii aspekt*, 2018, (4): 125–132. (In Russ.)] EDN: XUETWP
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. 5-е изд. М.: УРСС, 2009. 509 с. [Meillet A. *Introduction into the comparative study of Indo-European languages*. Moscow: URSS, 2009, 509. (In Russ.)] EDN: QUEKXB
- Николина Н. А., Петрова З. Ю. Метафоры повседневной речи в зеркале современной русской художественной прозы. *Русская речь*. 2020. № 4. 93–104. [Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. *Metaphors of everyday speech in modern Russian prose*. *Russkaya Rech*, 2020, (4): 93–104. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S013161170010740-3>
- Пастухова О. Д. Об эвфемизмах и табу. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 11-1. С. 141–144. [Pastukhova O. D. *On euphemisms and taboo*. *Philology. Theory & Practice*, 2017, (11-1): 141–144. (In Russ.)] EDN: ZMYQMP
- Пономаренко Т. В. Явление интертекстуальности, использование инвективной и разговорной лексики в языке современной массовой и качественной российской прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 18 с. [Ponomarenko T. V. *The phenomena of intertextuality, the usage of invective and colloquial lexis in the language of modern quality Russian media*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2009, 18. (In Russ.)] EDN: QGXLCB
- Романов А. А., Романова Л. А. Акты вербальной агрессии в профессиональной коммуникации. *Организационная психолингвистика*. 2019. № 2. С. 24–44. [Romanov A. A., Romanova L. A. *Acts of verbal aggression in professional communication*. *Organizational Psycholinguistics*, 2019, (2): 24–44. (In Russ.)] EDN: BMPAVC
- Седов К. Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта). *Вопросы стилистики*. Вып. 26. *Язык и человек*. Саратов: Колледж, 1996. С. 22–32. [Sedov K. F. *Types of linguistic personalities and strategies of speech behavior: on the rhetoric of family abuse*. *Questions of stylistics. Iss. 26. Language and man*. Saratov: Kolledzh, 1996, 22–32. (In Russ.)]
- Степанов Ю. С. Язык и метод: к современной философии языка. М.: Языки рус. культуры, 1998. 779 с. [Stepanov Yu. S. *Language and method: the modern philosophy of language*. Moscow: Iazyki rus. kultury, 1998, 779. (In Russ.)]
- Терентьева В. К. Языковые табу и лексические ограничения в речевых практиках японского языка. *Вопросы филологии*. 2015. № 2. С. 103–116. [Terent'eva V. K. *Taboo language and lexical restrictions in Japanese speech*. *Voprosy filologii*, 2015, (2): 103–116. (In Russ.)] EDN: VFPGPR
- Фрейд З. Тотем и табу. М.: АСТ, 2004. 400 с. [Freud S. *Totem and taboo*. Moscow: AST, 2004, 400. (In Russ.)] EDN: QXJFPV
- Хейзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 358 с. [Huizinga J. *In the shadow of tomorrow: a diagnosis of the modern Distemper*. Moscow: Progress, 1992, 358. (In Russ.)]
- Ярославова Л. А., Сабанов П. А., Самиков А. А. К проблеме использования табуированной лексики в реалиях современного общества. *Наука в жизни человека*. 2022. № 1. С. 27–35. [Yaroslavova L. A., Sabanov P. A., Samikov A. A. *On the problem of using taboo vocabulary in the realities of modern society*. *Science in Human Life*, 2022, (1): 27–35. (In Russ.)] EDN: VSPTU